Экстралингвистически определяемая общность может превалировать над структурной при объединении диалектов в рамках одного языка. Ср. как подобную ситуацию оценивает Блумфилд в книге «Язык»: «Мы говорим о французском и итальянском как об отдельных языках, так же как о шведском и норвежском или польском и чешском потому, что соответствующие страны политически самостоятельны и используют разные литературные языки, но различия между местными языковыми формами на границах указанных языков во всех этих случаях сравнительно незначительны и не превышают тех различий, которые имеют место в пределах каждого из языковых коллективов»; и далее: «соотношение местных диалектов не позволяет провести границу между тем, что мы называем немецким, и тем, что мы называем голландско-фламандским языками: в лингвистическом отношении голландско-немецкая область едина, она делится преимущественно политически, лингвистической эту границу можно назвать только в том смысле, что страны, различающиеся политически, используют и разные литературные языки» [11].

Иногда в качестве критерия отнесения родственных форм речи к диалектам одного языка или к разным языкам предлагается самооценка носителей этих идиомов. Именно такой самооценкой аргументирует Р. Леч положение о том, что верхнелужицкий и нижнелужицкий являются диалектами одного языка, а не разными языками [12]. Не касаясь существа классификации серболужицких диалектов, можно заметить, что названный критерий не кажется приемлемым. Если говорящие обнаруживают предпочтение определенной номинации своего говорения и осознают отличие его от другого или сходство его с другим, это еще не значит, что этим решается вопрос о возведении своих форм речи в ранг языка или диалекта. Дифференция «язык — диалект» лингвистически не искушенному индивидууму не дана.

В лингвистике исследуются языковые идиомы, имеющие однозначное соответствие в речи, и идиомы, не имеющие однозначного соответствия в речи. При этом лишь первые являются объектом первичного лингвистического анализа: лингвист исследует текст, фиксирующий литературную речь, говор, язык памятника; не может быть текста, фиксирующего, например, русский национальный язык вообще. Полученные в результате этого данные являются основой для моделирования языковых систем, не имеющих однозначного соответствия в речи. Так, на основе собрания описаний отдельных говоров моделируется диалектный язык, на основе диалектного языка, литературного языка и промежуточных языковых форм — национальный язык.

Из этого следует, что такие обобщающие категории, как национальный язык, являются в известной мере абстракцией. Реальная информативность этих определений может быть проявлена только в составе определенной оппозиции: выражение «русской язык» может не требовать дальнейшего уточнения только в оппозиции «русский — нерусский».

Удачным представляется определение, данное термину «общенародный язык» в одной из цитированных выше работ. Говорится, что одно из понятий, подводимых под этот термин,— это «система общих лексических и грамматических элементов, связывающих различные диалекты языка и дающих возможность их представителям договориться между собою. Такие общие элементы, конечно, не составляют живого языка и представляют собою некоторую, хотя и коммуникативно действенную, абстракцию» [13].

Сказанное приводит к следующему выводу. Реальной языковой действительностью, непосредственно данной в речи, являются диалект

[11] *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968, с. 68, 69.

[12] *Леч Р.* К вопросу о соотношении категорий «язык» и «диалект».— «Русское и славянское языкознание». М., 1972, с. 169.

[13] Общее языкознание, с. 451.